

ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РСФСР

Кандидат философских наук
В. А. МАЛИНИН

МАТЕРИАЛ К ЛЕКЦИИ НА ТЕМУ:

**АТЕИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
А. С. ПУШКИНА**

Москва — 1957

ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РСФСР

На правах рукописи

Кандидат философских наук
В. А. МАЛИНИН

МАТЕРИАЛ К ЛЕКЦИИ НА ТЕМУ
АТЕИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
А. С. ПУШКИНА

Москва — 1957

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Методические советы	3
Введение	4
А. С. Пушкин и материалистическая философия	8
Атеизм А. С. Пушкина	23
А. С. Пушкин — борец против религиозной и буржуаз- ной морали	34
Литература	46

МЕТОДИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

В антирелигиозной пропаганде при разъяснении научно-материалистического взгляда на действительность ценным подспорьем и яркой иллюстрацией могут быть произведения великих мыслителей и художников прошлого — борцов с идеализмом и поповщиной. На необходимость использования этого наследства указывал В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма».

К таким художникам и мыслителям прошлого относится и А. С. Пушкин. В данной работе предпринята попытка очень сжато изложить основные черты материалистических и атеистических взглядов А. С. Пушкина.

В нашей стране имя А. С. Пушкина знают все.

В лекционной и разъяснительной работе использование атеистических и материалистических мыслей и высказываний великого поэта, направленных против религиозного дурмана, против церкви и ее политики, может принести большую пользу. Анализ некоторых его поэтических произведений (с атеистической направленностью) оживит лекцию или беседу, сделает их более доходчивыми и яркими. Все эти произведения способны оказать сильное воздействие на слушателя.

Следует иметь в виду тот факт, что мы имеем дело не со случайными выпадами против церкви и религии, а с существенной стороной мировоззрения А. С. Пушкина: атеизм поэта неразрывно связан с общим, материалистическим по содержанию его взглядом на природу.

Следует также подчеркнуть, что А. С. Пушкин атеистические идеи проводил не только в творчестве, — он им следовал и в жизни. Жизнь поэта была непрерывной борьбой с религией и церковниками.

В нашей критике религиозной и буржуазной морали правильное использование пушкинских высказываний о моральных нормах свободного человека и его критика нравственности верхов феодально-крепостнического общества может быть использована как весьма ценный и полезный материал.

ВВЕДЕНИЕ

А. С. Пушкин — величайший русский национальный поэт, один из создателей русского литературного языка, выдающийся общественный деятель. Он горячо любим народом за неповторимое художественное обаяние его творений, за их огромное патриотическое звучание и громадное эстетически-воспитательное значение. Великий поэт почитается за то новое слово, которое он сказал в истории русской и мировой литературы. Творчество А. С. Пушкина обозначило новый шаг вперед в художественном развитии человечества.

Но А. С. Пушкин не только величайший художник. Он глубокий и оригинальный мыслитель-материалист, крупнейший передовой социолог своего времени, глубокий теоретик искусства. Наряду с другими славными представителями революционно-дворянской общественной мысли — декабристами — он много сделал для защиты и распространения материалистических убеждений в России, для распространения атеистических взглядов.

Мировоззрение А. С. Пушкина сложилось в первой четверти XIX века, в эпоху дворянской революционности.

Идеология дворянских революционеров была выражением кризиса крепостнического общества. Сами дворянские революционеры не осознавали себя предвестниками складывающихся буржуазных отношений. Они, борцы с самодержавием и крепостничеством, искренне считали себя представителями интересов всего народа.

Революционно-дворянская идеология отражала тот знаменательный факт, что старые крепостнические производственные, а вместе с ними и все другие общественные отношения феодального общества пережили себя, что в недрах этих производственных отношений складывался иной экономический строй — капитализм. Большинство декабристов разделяло иллюзию, свойственную в прошлом идеологам передовых слоев общества, которые в эпоху ломки старых об-

ственных отношений были убеждены, что они представляют не какую-либо определенную социальную группу, класс, а выражают интересы всего общества.

А. С. Пушкин родился и рос в замечательное время.

Политические бури, вызванные французской буржуазной революцией 1789—1793 гг., не утихли и после окончательного разгрома империи Наполеона. «Священный Союз» европейских реакционеров пытался достичь «политического умиротворения», то есть установить господство феодально-клерикальных группировок. Однако то в одном, то в другом конце Европы прорывались всплески революционной лавы. Они свидетельствовали о том, что буржуазная революционность, еще опиравшаяся в то время на демократические, революционные требования народных масс, не была исчерпана до конца.

Идеология просветителей предреволюционной Франции, несмотря на все гонения клерикалов и феодально-аристократических кругов легитимистской Франции, не только не была окончательно похоронена, но, напротив, продолжала оказывать влияние на передовых людей Западной Европы, в особенности на революционную молодежь стран, где еще предстояли схватки с феодализмом и абсолютизмом.

Героический пример испанской революции 1820 г., руководимой Риуго и Квируги, воодушевлял на другом конце Европы, в России, друзей и соратников Пестеля и Рыльева. Радикально настроенная европейская молодежь жадно ловила новые, полные большого революционного смысла слова великого английского поэта-бунтаря Джорджа Байрона, ставшего властелином дум молодого поколения того времени.

В Италии, придавленной австрийцами вкупе с отечественными аристократами, молодые карбонарии, воодушевляемые мечтой о свободе своей родины, предпринимали неоднократные, часто терпевшие поражения, но несмотря ни на что упорные попытки переворота. Греческие патриоты создавали первые дружины для борьбы с султанской Турцией. Революционные настроения нарастали и в других странах Европы.

В 1816 г. группа гвардейских офицеров — участников Отечественной войны 1812 г. и похода русских войск до Парижа, создает в Петербурге «Общество истинных и верных сынов отечества», которое вошло в историю под именем «Союза Спасения». Не случайно название этого общества перекликалось с известной статьей А. Н. Радищева «Что есть истинный сын отечества?». Память об А. Н. Радищеве

была свежа. Имя его вспоминали с благодарностью передовые люди России.

Буржуазные историки русской общественной мысли доказывали обычно, что устав «Союза Спасения» списан с устава немецкого тайного общества эпохи борьбы с Наполеоном — Тугендбунда. Это не соответствует действительности. Коренной пункт устава Тугендбунда — монархическое по содержанию требование: «Союз составляет среди народа оплот трона нынешнего властелина Пруссии и дома Гогенцоллернов против безнравственного духа времени» — был единодушно отвергнут создателями «Союза Спасения». Кто, как не они, выступали выразителями этого «безнравственного духа времени»? В своем большинстве русские революционные дворяне не только были далеки от мысли выступить «оплотом трона нынешнего властелина», но больше всего были заняты мыслью о том, как бы поскорее опрокинуть трон. Альтернативой верноподданническому образу мыслей немецких «спасителей отечества» на одном из заседаний «Союза Спасения» прозвучала речь Пестеля, названная им: «О блаженстве Франции под управлением комитета общественной безопасности».

А. И. Герцен, хорошо понявший характер и образ мыслей Пестеля, близость его к демократическим якобинцам и к их методам политических действий, писал впоследствии, что пестелевская речь напомнила «остроты Комитета общественного спасения»¹.

В 1818 г. разногласия между умеренными «конституционными» членами Союза во главе с Н. Муравьевым, Н. Тургеневым и другими и более революционными элементами Общества, возглавлявшимися Пестелем, Рылеевым и другими, привели к распаду «Союза Спасения» и к созданию более умеренного, по видимости, «Союза Благоденствия». Однако и в этом Союзе вопрос о дальнейших путях и методах действий членов тайного общества привел к кризису Союза, а затем и к его самороспуску.

Насколько сильна была в Союзе внутренняя борьба, видно из того, что на съезд в Москве в 1821 г. Пестель, как самый опасный противник «умеренной» группы Н. Муравьева и Н. Тургенева, под благовидными предлогами не был допущен, а Общество вновь было объявлено распущенным.

Пестель, Рылеев и их сторонники не подчинились этому решению и в 1822 г. сумели создать новое Общество, кото-

¹ Комитет общественного спасения — якобинский орган по борьбе с аристократической контрреволюцией в эпоху французской буржуазной революции 1789—93 гг.

рое разделилось на Северное и Южное общества. Впрочем, Пестель, Рылеев и их сподвижники не вполне признавали это разделение и впоследствии в своих показаниях следственной комиссии называли их Северной и Южной управами тайного общества. В этом факте отразилось их понимание необходимости единства действий в борьбе с самодержавием. После потери последних надежд на позитивные действия сверху, «по манию царя», как говорил А. С. Пушкин в стихотворении «Деревня» (1818 г.), члены тайного общества окончательно пришли к выводу о необходимости насильственного переворота. Перед ними встал вопрос о том, какой характер должен носить этот переворот.

После длительных споров и колебаний у большинства революционных дворян сложилось убеждение, что политический переворот, как предпосылка изменения общественных отношений, должен быть произведен самим дворянством, точнее его передовыми, просвещенными военными представителями, ведущими за собой солдатскую массу — эту наиболее боеспособную часть крестьянства. Метод «военной», а не народной революции выдвигался, таким образом, как наиболее подходящее средство достижения поставленной цели — общественного переустройства России. Убеждение в правильности этого метода было у декабристов не столько следствием изучения западноевропейских военных революций 20-х годов, на что больше всего обращали внимание дореволюционные буржуазные историки, сколько закономерным результатом отрыва декабристов от народных масс. На это указывал В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена»: «...мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало»¹.

Обстановка двадцатых годов потребовала от декабристов как организационной, политической подготовки переворота (это нашло свое выражение в последовательном создании и росте тайных обществ и их отделений), так и идеологической подготовки его, что было не менее важно.

Идеологическое обоснование назревавшего выступления не могло не вылиться в борьбу с идеями старого общества, идеями, которые служили господствующему порядку вещей, и прежде всего самодержавию.

В противовес господствовавшим в обществе правовым, политическим, философским, религиозным и художественным

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

взглядам крепостников декабристы выдвинули свои революционные, передовые идеи.

Идеологическая борьба двух враждебных лагерей особенно давала себя чувствовать в литературе, которая давала тогда возможность в наиболее открытой форме выражать свободное мнение, если можно было говорить о «свободном мнении» в ту эпоху господства цензуры и политических преследований.

Передовая русская литература, начиная с А. Н. Радищева и А. С. Пушкина, выполняет роль идейного борца с крепостничеством как основой общественного строя, с самодержавием как государственной формой этого строя и с философским и религиозным идеализмом как формами идеологии такого строя.

Каждый этап русского освободительного движения имел своего певца, поэтического выразителя своих идей. Как В. В. Маяковский был певцом пролетарской революционности, а Н. А. Некрасов — демократический, крестьянской, так А. С. Пушкин был певцом дворянской революционности.

Исторически А. С. Пушкин своей разносторонней деятельностью связывал первое поколение российских революционеров, дворян-декабристов, с революционерами из среды разночинцев, с революционными демократами. Одним из последних шагов А. С. Пушкина было его сближение с В. Г. Белинским и попытка привлечь молодого революционного демократа в журнал «Современник».

А. С. Пушкин и материалистическая философия

Александр Сергеевич Пушкин родился 14 мая 1799 г. в Москве в семье родовитого, но ко времени рождения будущего великого поэта уже обедневшего дворянина. Детские годы он провел в кругу высокообразованной и культурной семьи. Получил хорошее домашнее образование. В 1811 г., не без протекции, он был определен в Царскосельский лицей, лучшее учебное заведение того времени, которое окончил в 1817 г. Через три года после окончания лицея молодой А. С. Пушкин за свободолюбивые выступления и атеистические высказывания был сослан царским правительством на Юг. В 1824 г. он вторично ссылается за атеистические и свободолюбивые высказывания, на этот раз в село Михайловское, близ Пскова. В 1826 г., по возвращении А. С. Пушкина из ссылки, начался его длительный и тяжелый конфликт с правящими верхами. Все это время А. С. Пушкин находился под тайным надзором полиции и

подвергался непрерывной травле со стороны придворной камарильи. В 1837 г. Пушкин погиб от руки подставленного царизмом убийцы.

За свою сравнительно непродолжительную жизнь А. С. Пушкин проделал работу огромного исторического значения. Он стал родоначальником русской литературы, одним из выдающихся деятелей передовой русской общественной мысли 20—30-х годов XIX в.

Идеологи реакционного лагеря были кровно заинтересованы в том, чтобы представить А. С. Пушкина бездумным, «вдохновенным свыше» художником без какой бы то ни было примеси понимания общественных интересов. Именно они изображали его сторонником «чистого искусства», далеким от освободительных идей, материализма и вообще от каких бы то ни было «теорий».

Представители официальной идеологии «православия, самодержавия и народности» умалчивали о материалистических убеждениях А. С. Пушкина, о его борьбе за материализм в философии и реализм в искусстве, о его атеизме, его передовых социологических воззрениях, о его пламенном убеждении в необходимости коренных общественных преобразований в России.

Реакционные писатели старались представить пушкинское свободомыслие, защиту им материалистических идей, его атеизм и резкую критику крепостнических порядков неким неизбежным «грехом молодости». Буржуазные либералы объявляли материалистическую основу пушкинского мировоззрения данью «революционному примитивизму». Но еще Н. Г. Чернышевский советовал подобным людям не оправдывать великого художника «избитой фразой, что он, дескать, был художник, а не мыслитель. Недалеко уйдет тот художник, который не получил от природы ума достаточного для того, чтобы сделаться и мыслителем».

Эпоха реакции требовала реакционных писаний от буржуазных историков общественной мысли, которые в меру своих сил и способностей искажали общественно-политические и философские взгляды А. С. Пушкина и «очищали» их от всего передового и прогрессивного. Многие буржуазные исследователи творчества А. С. Пушкина упорно пытались представить поэта философским идеалистом и, более того, верующим. Так, например, П. Н. Сакулин в своей книге «Из истории русского идеализма» (1913 г.) говорит о суеверии А. С. Пушкина. В. Гиппиус в 1915 г. написал книжку под названием «Пушкин и христианство», в которой договорился до утверждения, будто А. С. Пушкин — один из выдающихся выразителей религиозной идеологии. Не-

сколько раньше Иванов-Разумник в своей «Истории русской общественной мысли» пытался представить А. С. Пушкина в эсеровском духе певцом «социологического индивидуализма», близкого по своим взглядам «эстетическому индивидуализму русских шеллингианцев».

Правильно то, что уже в лицейские годы и непосредственно после них А. С. Пушкина отличает огромный интерес к вопросам идеологии, к философским проблемам. Интерес этот сохранился у него на всю жизнь. В процессе идейного развития это привело великого поэта к осознанию и признанию особой роли передовой философии в идеологической борьбе с реакционными силами.

Система воспитания в лицее, особенно в первые годы его существования, допускала возможность более или менее широкого ознакомления воспитанников с предшествовавшей и современной им теоретической мыслью.

Мракобесные произведения не пользовались успехом среди лицейцев. Отчасти в этом сказывался показной либерализм той эпохи, «дней Александровых прекрасное начало», как писал А. С. Пушкин, отчасти — стремление царского правительства, нуждавшегося в хороших подготовленных чиновниках, придать европейски-респектабельный вид наиболее близкому ко двору учебному заведению. Разумеется, этот показной либерализм распространялся лишь на наиболее привилегированное учебное заведение, в котором правительство готовило руководящие государственные кадры. Но уже первый выпуск, давший, помимо нескольких незначительных фигур, А. С. Пушкина, И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера и других известных впоследствии общественных деятелей, показал, как оно ошиблось.

В лицее проводилась официальная линия; опора на крайне реакционные, мистические и полумистические формы идеализма оставалась неизменной. Она была довольно выразительно, если не сказать больше, охарактеризована начальником Петербургского учебного округа Руничем, заявившим, что профессура высших учебных заведений России должна доказывать в своих лекциях «мудрость Божию и ограниченность наших чувств».

«Ученость без веры в бога, — наставлял другой мракобес, Магницкий, — не только не нужна ему (правительству — В. М.), но и почитается вредной».

В 1821 г. довольно смиренного профессора Галича принудили оставить Петербургский университет, ибо он, как было сказано в решении «святейшего» Синода, «предпочитал безбожника Канта Христу, а Шеллинга Святому Духу».

Философские и атеистические взгляды А. С. Пушкина складывались помимо официальных наставлений и вопреки им.

В то время существовало довольно широкое общение между лицеистами и передовой, свободолюбиво настроенной офицерской молодежью расположенных вокруг Царского Села гвардейских полков. Эта молодежь принимала участие в войне 1812 г. Она критически воспринимала русскую действительность, со всем пылом молодости ненавидела крепостнические порядки и с течением времени все более проникалась решимостью революционного действия.

А. С. Пушкин в стихотворениях, заметках этих лет, в воспоминаниях позднейшего времени с воодушевлением говорил об этих встречах, питавших его свободолюбивым духом независимости, надеждами на освобождение России от царского гнета.

О том, какова была лицейская атмосфера этих лет, дает понять свидетельство П. Я. Чаадаева, шутя называвшего лицейстов, которых он часто встречал в аллеях дворцового парка, «философами-перипатетиками». П. Я. Чаадаев, в то время радикально настроенный блестящий гвардейский офицер, член тайного общества, сыграл известную положительную роль в формировании мировоззрения А. С. Пушкина. Последний высоко ценил личные качества Чаадаева и не раз вспоминал о благотворном влиянии, какое оказал на него в молодости «русский Брут», вспоминал встречи с ним, беседы и споры. Другим лицом, выделявшимся среди лицейского окружения А. С. Пушкина и хорошо известным уже в то время, был профессор лицея А. Н. Куницын, читавший курс политической экономии, логики и «нравственной философии». Он оказал значительное влияние на Пушкина-лицейста: о А. Н. Куницыне, в отличие от частых у А. С. Пушкина откровенно отрицательных или иронических отзывов о лицейских учителях, он говорил и писал с большим уважением и благодарностью, заявляя, быть может с некоторым поэтическим преувеличением, что «он создал нас, он воспитал наш пламень».

А. С. Пушкин был хорошо знаком с основным политико-экономическим сочинением А. Н. Куницына «Право естественное», которое в 1821 г., было сожжено по указанию царских властей как крамольное, полное идей «весьма вредных, противоречащих истинам христианским и клонящихся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных», как было записано в решении «святейшего» Синода.

Философские воззрения А. С. Пушкина в пору их формирования были теснейшим образом связаны с философскими воззрениями декабристов. Царское правительство, сославшее А. С. Пушкина в 1821 г. за свободолобивые и атеистические стихотворения на Юг, где особенно активно подготавливалось революционно-дворянское выступление, не подозревало, как помогло оно этим идейному развитию поэта.

В годы ссылки на Юг А. С. Пушкин тесно сдружился с П. И. Пестелем. Глубокое уважение к личности Пестеля поэт сохранил на всю жизнь. Впоследствии он с большим чувством писал о философских и политических беседах с Пестелем, который разделял взгляды деистов.

Некоторые члены Южного общества в своих философских воззрениях, характерной чертой которых были материализм во взглядах на природу и атеизм, шли дальше П. И. Пестеля. Так, один из деятельнейших участников революционного движения на Юге Борисов отвергал бога и признавал, что вечно существует лишь природа. Материя, считал он, существовала еще до образования планет, которые сами являются проявлением материи, и была рассеяна в виде атомов. Свое утверждение о том, что вся природа состоит из атомов, из материальных частиц, Борисов подтверждал ссылками на данные физики и химии. Утверждения о существовании атомов, которые Борисов делал на основании изучения естественных наук, являются интереснейшей чертой русского материализма того времени.

Не менее решителен атеизм одного из близких друзей А. С. Пушкина — Н. Тургенева, оказавшего некоторое влияние на поэта в годы его юности. Крупный деятель Северного общества, оказавшийся незадолго до 14 декабря 1825 г. в Англии, он ответил отказом на приказ Николая I предстать перед его судом и стал, таким образом, одним из первых русских политических эмигрантов. Н. Тургенев заявлял, что религия — следствие попыток людей восполнить пустоту своего «бытия» сверхъестественным содержанием. Это о Н. Тургеневе А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине», вспоминая бурные споры декабристов о способах свержения самодержавия:

Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Среди декабристов не все были материалистами. Некоторые из них придерживались веры. Впоследствии эта (меньшая) часть декабристов создала в ссылке, в Сибири, так называемую «религиозную конгрегацию».

Сергей Муравьев, один из руководителей восстания Черниговского полка, находясь под следствием, высказал знаменательные слова, вскрывшие истинный смысл обращения некоторых декабристов к религии. Он говорил николаевским судьям: «В случае восстания в смутные времена переворота самая твердейшая наша надежда и опора должна быть привязана к вере... и что потому мы должны во всех наших действиях стараться не ослаблять сего чувства». Эти слова объясняют особенность формы знаменитого «Катехизиса» Муравьева, где установки «истинного христианства» служили цели наилучшего объяснения солдатской массе свободолобивых идей дворянских революционеров.

С ростом свободолобивых настроений у А. С. Пушкина рос и его интерес к философии, углублялось ее понимание. Некоторые произведения молодого поэта говорят о его растущем внимании к философии: «Батюшкову» (1814 г.), «Истина», «Стансы Толстому» (1814 г.), «Фатам или Разум Человеческий», «Философ» и другие. Во многих из них чувствуется влияние эпикурейских мотивов.

Для развития материалистических убеждений А. С. Пушкина характерен и рано возникший интерес к истории философии, к материалистическому направлению в ней. В особенности заметное влияние оказали на него, как и на других революционных дворян, А. Н. Радищев и французская философия XVIII в. Не случаен тот факт, что, подобно тому, как начало поэтической и общественной деятельности А. С. Пушкина связано с обращением к А. Н. Радищеву («Бова», 1814 г.), так и ее окончание ознаменовано обращением к Радищеву, «вослед» которому он, А. С. Пушкин, «восславил свободу» (см. первоначальный вариант «Памятника»).

Замечательна и та страстность, с которой А. С. Пушкин защищал выдающихся представителей русской материалистической мысли. Он первый дал правильную оценку, в основном сохраняющую свое значение и для наших дней, зачинателям классической русской материалистической традиции — М. В. Ломоносову и А. Н. Радищеву.

А. С. Пушкин понял всеобъемлющий гений М. В. Ломоносова, выходца из народных низов, «сына холмогорского рыбака», как он называет его, и решительно протестовал против попытки официальных хранителей «чистоты русской науки» (среди которых было немало людей, имевших весьма отдаленное отношение к России) представить М. В. Ломоносова лишь даровитым стихотворцем. «Ломоносов, — писал А. С. Пушкин, — сам не дорожил своей поэзией и гораздо

более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокаторжественный день тезоименитства и проч.»¹.

В лице М. В. Ломоносова А. С. Пушкин видел, прежде всего, крупнейшего ученого, деятеля науки и мыслителя-материалиста, который соединял «необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия»². Значение, какое А. С. Пушкин придавал деятельности М. В. Ломоносова, хорошо видно из его слов в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Ломоносов был великий человек... Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был нашим университетом»³.

А. С. Пушкин правильно отмечал непримиримость, с какой М. В. Ломоносов боролся за «торжество его любимых идей», иными словами, за передовое, научное материалистическое естествознание. Именно в этом А. С. Пушкин видит основную причину того, что А. Н. Радищев, так ожесточенно критиковавший крепостническое общество конца XVIII в., «обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью»...

В годы, когда складывалось его мировоззрение, А. С. Пушкин особенно ценил такую древнюю, но близкую ему форму материализма, как эпикуреизм. Последний нашел яркое отражение в юношеской поэзии А. С. Пушкина. В многочисленных произведениях 1813—1817 гг. на «греческие» темы эпикурейские мотивы особенно часты. И это — одно из свидетельств здорового направления роста молодого поэта. Здесь можно усмотреть и истоки того необыкновенного проникновения в дух греческого мира, которым А. С. Пушкин так поражал современников. Мировая литература может поставить рядом с А. С. Пушкиным в этом отношении разве лишь Гёте.

С философией эпикуреизма А. С. Пушкин познакомился очень рано, в таком ее классическом переложении, как «О природе вещей» Лукреция Кара. Молодой Пушкин ценит эту философию не за призывы к безудержному наслаждению жизнью, как часто изображали эпикурейство реакционные историки философии и чего, кстати, у Эпикура не было, а за обоснование «истинной добродетели» — разумного понимания жизни и наслаждения ее ценностями. Известно, что эпикурейство в истории философии явилось продолже-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, издание АН СССР, 1949 г., т. VII, стр. 277.

² Там же.

³ Там же, стр. 28.

нием материалистической линии Демокрита. В своей этике Эпикур прямо исходит из атомистических представлений этого великого материалиста древности. Душа смертна, учил он, поскольку круглые атомы, составляющие душу, распадаются с течением времени так же, как и все остальные атомы. Отсюда ясна беспочвенность религиозных представлений, основанных на вере в бессмертие души. В своем поведении люди должны исходить не из ложной веры, а из правильно понятых законов природы.

А. С. Пушкин хорошо понял освободительное значение эпикурейской философии. Его интерес к эпикурейству — одна из форм протеста против официальной идеологии, против религии. Уже в лице А. С. Пушкин превосходно разобрался в том, что эпикурейство выступает в истории философии воинствующим противником древнего идеализма.

Это наглядно проявляется в его отрицательном отзыве об идеалистической философии Платона. «Презрев Платоновы химеры»¹, говорит А. С. Пушкин, отбросив стоическую премудрость с ее призывами к покорности, надо следовать по пути познания действительной ценности жизни.

Для молодого А. С. Пушкина, тесно связанного с передовыми в то время течениями общественной жизни, эпикурейство, в особенности его учение о нравственности, представлялось философией, способной открыть истинную мудрость жизни. Счастье жизни доставляет активное участие в ней — вот основная пушкинская мысль этого времени.

Отсюда резкие отзывы по адресу философии циников, насмешки над спасительной бочкой диогеновского индивидуализма:

Но с бочкою странствуя пустою
Вослед за мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен;
И воду черпая рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он²

С точки зрения глубокого понимания А. С. Пушкиным основных направлений в истории философии характерна его оценка другой античной школы — стоической. Пушкин противопоставляет стоикам сторонников Эпикура, значительно более правильно, с его точки зрения, толковавших вопрос о сущности жизни, проблемы счастья, нравственности, наслаждения жизнью. Изложив взгляды эпикурейцев и сравнивая с ними взгляды стоиков, поэт замечает:

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 51.

² Там же, стр. 227.

Я вижу хмурится Зенон
И вся его седая свита:
И мудрый друг вина Катон,
И скучный раб Эпафродита,
Сенека, даже Цицерон
Кричат: «Ты лжешь, профан, мученье
Прямое смертных наслажденье».¹

Откровенно иронически А. С. Пушкин добавляет:

Друзья, согласен: плач и стон
Стократ, конечно, лучше смеха;
Терпеть великая утеха.

Это насмешливое замечание по адресу стойков с их призывами к покорности судьбе, с проповедями равнодушия к жизни раскрывает правильное понимание А. С. Пушкиным основных черт стоической философии, ведущей к реакционным политическим и практическим выводам, какие отсюда следовали: защита непротивления, подрыв воли к открытому действию. Кстати, чтобы так точно и поэтически выразительно объяснить сущность стоицизма, нужны незаурядные познания в области истории философии и их оценка с определенных, материалистических позиций. Но этим-то как раз и обладал А. С. Пушкин.

Знакомство с западноевропейской просветительской и материалистической философией А. С. Пушкин обнаруживает очень рано. Уже в «Монахе» (1813 г.) четырнадцатилетний поэт сообщает, что он часто обращается к «фернейскому старичку» — Вольтеру. Именно он «всех больше перечитан, всех менее томит» («Городок», 1815 г.). Вольтер — писатель и мыслитель, которым молодой поэт восхищается в это время больше всего и которому он больше всего намерен подражать.

С 1814—1815 гг. печатные отзывы А. С. Пушкина о французских материалистах и просветителях — свидетельство изучения поэтом их боевой философии — мы встречаем неоднократно.

Очень рано А. С. Пушкин познакомился с произведением, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в подготовке идеологии революционной буржуазии XVIII века — с «Духом законов» Монтескье. Позднее, в зрелые годы, он называл Монтескье «славнейшим представителем» предреволюционной Франции и ценил его наравне с Вольтером и Руссо.

А. С. Пушкин восхищался разрушительным действием

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 226.

той подготовительной работы, которую проводил «Энциклопедии скептический причет» перед революцией 1789—93 гг. по критике идеологических, политических и экономических учреждений и взглядов феодально-монархического общества, по борьбе с религиозно-католической идеологией. Он считал эту работу по пересмотру заскоружных основ феодальных отношений с точки зрения «разума» и «естественного права» настолько важной, что, по его мнению, XVIII в. вошел в историю как век французской философии.

«Она, — говорит А. С. Пушкин о французской философии XVIII в., — была направлена против господствующей религии, а любимым оружием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная»¹.

Эта мысль А. С. Пушкина правильна. Установка философов французской революционной буржуазии на всеобъемлющую силу разума вызывала противопоставление «естественных взглядов» философии взглядам господствующей феодально-религиозной идеологии, исходившей из приоритета божественного откровения и доказывавшей никчемность попыток переделать «данное от бога».

А. С. Пушкин подметил стремление французских просветителей через передовую литературу своего времени установить связь с третьим сословием и влиять на него идеологически. Он указал, что застрельщиком такого использования литературы выступил Вольтер, который, как писал Пушкин, заставил прозу и поэзию «выражать правила своей философии».

А. С. Пушкин высоко ценил и роль других философов, идеологов поднимавшегося «третьего сословия», в частности Мишеля Монтэня, к «Опытам» которого он обращался не раз. Он одобрительно отозвался о деятельности Фенелона, который в «книге, исполненной смелой философии, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование» (на монархию Людовика XIV). О глубине пушкинского понимания взглядов французских мыслителей XVIII в. свидетельствует один интересный факт. В стихотворении «К вельможе», обращенном к Юсупову, объездившему в свое время по поручению Екатерины II многие дворы Европы и наблюдавшему французское общество перед революционной грозой 1789—93 гг., А. С. Пушкин довольно точно характеризует идейное развитие Д. Дидро, замечая, что Дидро был «то читатель промысла, то скептик, то безбожник», то есть, что он прошел в своем идейном развитии путь от деизма к атеизму.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 313.

После поражения восстания 14 декабря 1825 г. николаевская политическая реакция сразу же повлекла за собой и реакцию идеологическую. Самодержавие доощряло и насаждало обскурантизм и мистику. А. С. Пушкин и в этих условиях не поддавался официальному тлетворному «духу времени». Он продолжал поддерживать материализм и критиковать идеализм и идеалистов.

В буржуазном пушкиноведении широкое хождение имела точка зрения, согласно которой после 14 декабря 1825 г. А. С. Пушкин будто бы поддавался влиянию немецкого идеализма, в частности шеллингианства. В действительности дело обстояло как раз наоборот: А. С. Пушкин не только не связал себя с этой модной в то время школой в философии, но и выступил одним из ее критиков. А. С. Пушкин хорошо ориентировался в истории философии. Одним из первых в истории русской общественной мысли он выступил с критикой немецкого идеализма. Характерно, что к «немецкой метафизике» (слова А. С. Пушкина) он относился враждебно с первых шагов своей творческой деятельности. Отрицательное отношение А. С. Пушкина к немецкому идеализму проявилось, в частности, в невысокой оценке немецкого романтизма 20—30-х гг. Поэт рассмотрел реакционные черты идеалистической философии. Он указывал, что немецкая идеалистическая философия выступила в общественном движении своего века как противоядие против «холодного скептицизма французской философии»¹. «Немецкая метафизика», замечает А. С. Пушкин, была средством отвлечения передовой молодежи от «упоительных и вредных мечтаний» французской революции конца XVIII в., которая, как он добавляет, имела такое значительное влияние «на лучший цвет предшествовавшего поколения»², то есть на революционных дворян. В этом смысле, едко замечает поэт, влияние немецкого идеализма было благотворным, было на руку правительствам. Хотя А. С. Пушкин в статье «О законе и его действии» признает известное положительное значение за немецкой идеалистической философией, способствовавшей, по его мнению, освобождению теории наук от «гипнотического влияния» ограниченного эмпиризма, превращению ее «в вид более общий», он тем не менее отмечает, что «философия немецкая» не хочет по-настоящему иметь дело с действительностью, с политикой, оставляя ее на произвол правительств. Отсюда уход в потустороннее, заумный язык, «мало понятный для непосвященных».

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 276.

² Там же.

А. С. Пушкин прямо выражает сожаление по поводу некоторого распространения немецкого идеализма и говорит, имея в виду известный в истории русской общественной мысли кружок Одоевского — Веневитинова («любомудров»), что «философия немецкая... нашла в Москве может быть слишком много молодых последователей»¹.

На протяжении всего своего творческого пути А. С. Пушкин оставался врагом идеализма во всех его формах. В этой связи следует указать на то, что некоторые советские исследователи неправильно истолковали причины отказа А. С. Пушкина от сближения (по возвращении в 1826 г. из ссылки в село Михайловское и в последующие годы) с журналом «Московский вестник» и с группой московских шеллингианцев во главе с Веневитиновым, Одоевским и Погодиным. Так, Н. Богословский считает (в предисловии к книге «Пушкин — критик»), что сближения не произошло потому, якобы, что «узкофилософское направление этого журнала было ему (А. С. Пушкину) — чуждо»². Примерно ту же мысль повторяет Гл. Глебов в статье «Философия природы в теоретических высказываниях и в творческой практике А. С. Пушкина». Он пишет там, что «Пушкин с не совсем теперь для нас понятной горячностью заявляет в 1827 г., что он «ненавидит и презирает «немецкую метафизику»³. Непонимание Гл. Глебовым «горячности» А. С. Пушкина в его отрицательном отношении к немецкой философии приводит его к неправильной оценке важной стороны пушкинского мировоззрения. Анализируя некоторые высказывания А. С. Пушкина и, в частности, известное его письмо к Дельвигу от 2 марта 1827 г., Гл. Глебов заключает: «Из этих высказываний Пушкина можно заключить, что его симпатия — на стороне положительного знания, а не отвлеченного философствования». Вывод этот неправилен, ибо у самого А. С. Пушкина мы видим не противопоставление положительного знания философии (он ценил и то и другое), а отрицание известной метафизики, направленной, по его мнению, против дальнейшего развития положительного знания.

Каковы были действительные мотивы, побудившие А. С. Пушкина отказаться от сомнительной чести сотрудничества с «Московским вестником», видно из письма А. С. Пушкина к А. Дельвигу от 2 марта 1827 г. В этом письме А. С. Пушкин прямо говорит, что в кружке Веневитинова — Одоевского на самом деле ему была чужда не-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 276

² Пушкин — критик. Изд. АН СССР, 1948, стр. XX.

³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 226.

мецкая идеалистическая метафизика, в частности метафизика Шеллинга. «Ты пеняешь мне за «Московский вестник» и немецкую метафизику, — пишет А. С. Пушкин А. Дельвигу. — Бог видит, как я ненавижу и презираю ее, да что делать собрались ребята теплые, упрямые, поп свое, а чорт свое. Я говорю: «Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать, все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными знаниями»¹.

«Московский вестник», т. е. «любомудры», русские шеллингианцы, сидит, как остроумно замечает А. С. Пушкин, в «яме и спрашивает: А веревка вещь какая?». Это письмо замечательно еще в одном отношении. А. С. Пушкин не только открыто заявляет о себе как о враге немецкого идеализма, но и указывает на его направленность против положительного знания, против науки.

Один из деятельных членов кружка «любомудров», историк Погодин свидетельствует в своем дневнике, что А. С. Пушкин горячо доказывал московским шеллингианцам ошибочность их направления. Судя по высказываниям Погодина, А. С. Пушкин развил сильную аргументацию против идеалистической философии. Погодин признается: «Я не мог дельно возражать и вообще молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного». Уверенность в нелепости говоренного А. С. Пушкиным мы можем оставить на совести Погодина. Важно то, что в этом споре А. С. Пушкина, защищавшего материалистическую точку зрения, с Погодиным, сторонником шеллингианства, последний «не мог возражать дельно», как он сам признается в дневнике, то есть не мог противостоять аргументации своего противника.

Отказ А. С. Пушкина от сотрудничества с русскими шеллингианцами, как и его критика «немецкой метафизики», достаточно убедительно свидетельствует о прочности его материалистических убеждений. Это — интересный и важный эпизод из истории русского материализма.

К этому следует добавить, что для великого русского поэта был характерен особый интерес к науке, чему способствовала буквально безграничная энциклопедичность его знаний и интересов.

Внимание А. С. Пушкина к науке не было проявлением любопытства дилетанта. Он сам являлся одним из крупных ученых своего времени, в частности замечательным историком. Как человек науки, он не мог не задумываться над некоторыми общими ее вопросами.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 226.

В противовес неверию агностиков в возможности человеческого познания А. С. Пушкин видит всеислие науки в познании действительности, природы. Наука требует не только таланта, но и упорства и целеустремленности, трудолюбия. А. С. Пушкин понял это рано. Уже в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814 г.) он пишет об «узах строгих наук». Насколько глубоко он понимал специфику и требования науки, свидетельствует следующий небольшой отрывок:

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог — изобретатель¹.

Подобное сжатое, гениально простое и в то же время художественно точное выражение возможностей познания удалось потому, что в одном человеке слились качества величайшего поэта и мыслителя. Здесь в немногих словах выражены мысли, имеющие немалое значение для людей науки.

Следует отметить и то, что именно А. С. Пушкин сформулировал великолепное определение значения науки в обществе, вложив в уста Бориса Годунова слова о том, что «наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни»².

С. И. Вавилов во вступительном слове на торжественном заседании общего собрания Академии наук СССР в связи со 150-летием со дня рождения поэта правильно заметил, что «научный метод был врожденным и близким А. С. Пушкину». И это действительно так.

Творчество А. С. Пушкина — живое свидетельство того, что ему, и как художнику и как мыслителю, проявившему постоянный интерес к философским проблемам, была присуща мысль о существовании действительности, природы независимо от человека и его сознания, или, как говорит сам А. С. Пушкин (в стихотворении «К вельможе»), независимо от сменяющих друг друга человеческих поклений.

Природа вечна.— человек смертен. В признании этого положения — один из краеугольных камней мировоззрения А. С. Пушкина. Человек — детище природы, ее высшее произведение. Недаром Пушкин любит называть себя «простым воспитанником природы» (гр. Н. В. Кочубей, 1818 г.), «сыном природы» («К моей чернильнице», 1824 г.), «восторженным свидетелем природы» («К ней», 1817 г.) и т. д.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 161.

² Там же, т. IV, стр. 261.

Природа для А. С. Пушкина — вечное начало, дающее жизнь всему, в том числе и человеку и его разуму. Он любил природу и понимал ее, обладая редкой способностью проникать в самые тонкие процессы ее жизни. Неповторимое своеобразие пушкинского описания природы является предметом непреходящего восхищения многих поколений. А. С. Пушкин умел каждую сторону жизни природы передать особыми красками, исключительными по своей выразительности. А. С. Пушкину обязаны мы лучшими в мировой поэзии описаниями времен года. Чистота и точность пушкинского рисунка таковы, что даже в описании осени — времени увядания природы — чувствуется свежее дыхание пушкинского мироощущения.

Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы»¹.

К мысли о том, что природа развивается по своим собственным законам, независимым ни от человека, ни от мифической «верховой причины», А. С. Пушкин обращается неоднократно. Он не раз ссылается на зависимость человека от общих законов природы.

.....Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я².

А. С. Пушкин умеет подмечать изменчивость, текучесть действительности:

Летят за днями дни и каждый час уносит
Частичку бытия...³

← писал он.

Жизнь не может не идти через обновление. В жизни побеждает новое. Старое погибает с необходимостью:

Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Все новое кипит, бывшее истребля⁴.

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, том. III, стр. 214.

² Там же, стр. 314.

³ Там же, стр. 209.

⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 171.

— говорил А. С. Пушкин, оценивая преходящий характер идеологии революционной французской буржуазии конца XVIII в.

Атеизм А. С. Пушкина

С большой силой и убежденностью защищая в течение всей своей жизни передовую материалистическую мысль в России, А. С. Пушкин с неменьшей страстью нападал на идеализм, на различные мистические учения, на религию во всех ее видах.

Воинствующий атеизм сопутствовал всем трем этапам русского освободительного движения. Атеизм А. С. Пушкина — очень яркая форма атеизма первого периода русского освободительного движения.

Значение атеистических воззрений Пушкина для выявления его мировоззрения весьма велико. Неустанная борьба великого поэта против религии и церкви представляет важную страницу в развитии русской материалистической традиции.

Мы уже указывали, что в некоторых исследованиях, посвященных выяснению вопроса об отношении А. С. Пушкина к религии, были допущены ошибки, а в досоветское время и прямые фальсификации. Так, А. Н. Пыпин в своей «Истории русской литературы» доказывал, что атеистические настроения были характерны лишь для молодого Пушкина. «В более зрелые годы, — писал он, — покинув легкомысленное отношение к вере, Пушкин был человеком религиозным»¹.

Пыпин, в сущности, повторил официальную легенду о примирении А. С. Пушкина с царем и религией, пущенную В. А. Жуковским в целях официальной канонизации поэта.

Из советских пушкинистов Вересаев, например, ошибочно утверждал одно время, что А. С. Пушкин был верующим. В подтверждение этой, в высшей степени неверной мысли он ссылался на то, что у Пушкина можно якобы обнаружить религиозные высказывания, что поэт совершал обряды, верил в приметы.

Такой взгляд на важную сторону пушкинского мировоззрения, несомненно, свидетельствует о потере исторической перспективы, о забвении важнейшего требования марксизма-ленинизма — конкретно-исторического подхода к любому общественному явлению. Это — ухудшение истории. На этом

¹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. IV, стр. 368.

пути возможны просто нелепые утверждения. Ведь могут, пожалуй, найтись и такие люди, которые на основании слов поэта, обращенных к Урусовой:

Не веровал я троице доньше,
Мне бог тройной казался все мудрен,
Но вижу вас и верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине¹.

— поспешат сделать вывод, что мы имеем дело с раскаявшимся грешником. Кто примет такое объяснение всерьез?

Атеистические взгляды А. С. Пушкина особенны тем, что ему, атеисту, в процессе идейного развития не пришлось избавляться от следов мистической набожности; он с детства был воспитан на произведениях вольнолюбивой и атеистической литературы, рос среди людей, которые или скептически относились к религиозным догмам или вовсе отвергали их.

Директор лицея Энгельгардт имел основания в 1816 г., еще в бытность А. С. Пушкина в лицее, заявить: «Его сердце холодно и пусто, в нем нет... религии». До ссылки на Юг А. С. Пушкин демонстративно подчеркивал свое безбожие, что доказывает не одно свидетельство как его друзей, так и врагов. После ссылки и особенно после подавления декабристского выступления А. С. Пушкин стал скрытнее, осторожнее в выражении своих политических и идейных симпатий и антипатий.

Безусловно, у А. С. Пушкина, человека гениального и сложного, найдется немало выражений, которые при желании, или при недостаточно критическом отношении к ним, можно выдать за доказательство примирительного отношения к религии (эту ошибку допустил в свое время Вересаев). Но это слишком напоминало бы ошибку того попа в селе Михайловском, который с готовностью отслужил молебен, заказанный А. С. Пушкиным «за упокой души раба божия боярина Георгия» — великого английского поэта Джорджа Байрона, — известие о смерти которого А. С. Пушкин получил в ссылке.

Господствующие круги николаевской России не строили иллюзий относительно мнимого теизма А. С. Пушкина. Николай I, например, после дуэли А. С. Пушкина, когда обнаружилось, что дни поэта сочтены, личной запиской, обращенной к поэту, иезуитски поставил условием оказания помощи его семье согласие А. С. Пушкина на исполнение предсмертных церковных обрядов.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 414.

Царь хорошо понимал, что Пушкин был и оставался атеистом, и он лишь использовал случай, чтобы создать выгодную для правящих верхов легенду о «раскаившемся» А. С. Пушкине¹.

Мнимая религиозность А. С. Пушкина навсегда останется неосновательной, реакционной легендой: поэт был последовательным и непримиримым врагом религии и мистики любого рода.

В этой связи характерно, например, его критическое отношение к такой разновидности философского идеализма, каким было масонство, получившее известное распространение в Западной Европе и в России в конце XVIII — начале XIX века.

В отрицательном отношении к масонству А. С. Пушкин не был одинок. Дворянские революционеры, искавшие перед 14 декабря 1825 г. теоретическую основу проектов переустройства общества на новых, как им казалось, разумных естественных основаниях, быстро разглядели мистицизм масонов и отвернулись от него. Те, кто формально еще продолжал оставаться в масонских ложах, делали это больше всего в видах конспирации, пока царское правительство не закрыло в 1822 г. все масонские ложи в России.

А. С. Пушкин сумел избежать влияния «вольных каменщиков». Его кратковременное пребывание в составе кишиневской ложи масонов во время первой ссылки на Юг объяснялось, как писал позднее сам поэт, желанием принять более активное участие в подготовке революционных действий против правительства (вокруг кишиневской ложи группировались будущие декабристы — генерал Орлов, Пущин, майор Раевский и другие), а отнюдь не тем, что он в какой-то мере разделял мистические идеи масонов.

Уже после разгрома николаевским правительством революционного дворянского выступления А. С. Пушкин в одном из писем к В. А. Жуковскому, подтверждая свою тесную связь с деятельностью революционных дворян, за-

¹ Этот факт нашел недавно еще одно подтверждение. На традиционном заседании Пушкинской комиссии в Центральном доме литераторов в 1955 г. (под председательством И. Новикова) И. Андроников рассказал о находке инженера Н. Баташова, который обнаружил письмо Е. А. Карамзиной к сыну историка Карамзина — Андрею Карамзину, относящиеся к 1836 и 1837 гг. 2 февраля 1837 г. Е. А. Карамзина сообщала сыну, что когда поэт В. А. Жуковский предложил Николаю I составить царский рескрипт с перечислением заслуг поэта, то коронованный солдафон ответил с присущей ему казарменной лапидарностью: «Пушкина мы насилиу заставили умереть христианином», — и отказал.

мечал, что сам он был членом ложи, «за которую уничтожили в России все ложи»¹.

О том, как А. С. Пушкин понимал свое и других будущих декабристов участие в работе масонских лож, говорит и его стихотворное послание к генералу Пущину:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога,
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квируга.
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!²

Такая программа не имеет ничего общего с масонством как таковым, с мистическими установками масонов на религиозно-нравственное самоусовершенствование. Более того, эти призывы к гражданской войне, к восстанию против самодержавия, к установлению республики составляют прямую противоположность таким установкам.

Реакционно-мистическую сущность масонства как идейного течения А. С. Пушкин понимал, таким образом, очень хорошо. Это не мешало ему высоко оценивать деятельность некоторых масонов, например известного просветителя конца XVIII в. Новикова, преследование которого Екатериной II он заклеил как позор для ее царствования.

Что же касается масонства в целом, то А. С. Пушкин был свободен от каких-либо иллюзий на его счет. В статье «Александр Радищев», написанной в 1836 г., за год до своей трагической гибели, он следующими словами выражает смысл масонства: «Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полумистическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали»³.

А. С. Пушкин, таким образом, ясно говорит об исходных идеалистических принципах масонов. Попутно он замечает, что политические цели масонов не шли дальше «практической филантропии». Иными словами, они не шли далее той установки на платоническую любовь к ближнему, которая позднее, в других исторических условиях, была выражена

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 199.

² Там же, т. II, стр. 204.

³ Там же, т. VII, стр. 354.

в классическом требовании либеральной маниловщины — «любви к меньшему брату».

В той же статье А. С. Пушкин замечает, что политические установки масонов, «их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франк-масонских ужинах»¹.

Поэтому он отмечает неправильность отождествления осторожного масонского вольнодумства с политическим свободомыслием французских материалистов XVIII в. А. С. Пушкин добавляет, что только Екатерине II, запуганной призраком буржуазной революции и в еще большей степени видением новой пугачевщины, могла прийти в голову мысль считать масонов заговорщиками, «проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов», тогда как на самом деле они были очень далеки от всего этого.

Критическое отношение А. С. Пушкина к масонам и их мистическим упражнениям выражало его общее отрицательное отношение к религиозному идеализму.

В ряде произведений он отмечает, что нет большого различия между ссылкой религии на бессмертие души и попыткой объективного идеализма доказать самостоятельное существование духовной субстанции мира, якобы лежащей в основе всех явлений. Крайне характерно с этой стороны такое произведение поэта, как «Надеждой сладостной младенчески дыша», относящееся к 1823 г. Заметим, что уже в самом заголовке произведения слова о младенческой надежде, то есть о надежде несерьезной, не имеющей никаких шансов уцелеть при серьезном рассмотрении, вполне проявляется отрицательное отношение А. С. Пушкина как к вере в бессмертие души, так и к уверениям в предсуществование абсолютной идеи.

Поэт размышляет:

Когда бы верил я, что некогда душа,
От тлена убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,
Клянусь, давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы сей уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте.
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте,
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...²

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 354

² Там же, т. II, стр. 154.

Таким образом, А. С. Пушкин высказывает мысль, что ни наши чувства, ни воля не могут «избежать тлена». Поэтому вера в бессмертие души, в существование в потустороннем мире «свободной», не связанной с телом мысли есть «обманчивая мечта», разлетающаяся в прах при столкновении с действительностью, с доводами ума.

К опровержению доводов о бессмертии души А. С. Пушкин возвращался неоднократно. Он понимал величайшее значение этого вопроса для решения основных проблем философии. И каждый раз, когда этот вопрос ставился им, в поэтических ли произведениях, в дневниках, в заметках, поэт прямо и определенно говорит, что единственно правильный ответ может состоять лишь в отрицании бессмертия души и предсуществования идеи. В 1825 г. в стихотворении «Люблю ваш сумрак неизвестный» А. С. Пушкин вновь отрицательно говорит о религиозных доводах в пользу бессмертия души:

Быть может с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной.

В письме к другу своему, поэту В. Кюхельбекеру, написанном предположительно в апреле — мае 1824 г., А. С. Пушкин снова отрицательно отзывается об идеалистических толкованиях относительно существования творца и бессмертия души: «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма (атеизма — В. М.). Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он написал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Createur et regulateur (что не может быть существа разумного, творца и правителя — В. М.), мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная».

Несколько позднее, в июне 1824 г., А. С. Пушкин сообщает П. Вяземскому о своем намерении издавать журнал и добавляет, что условия издания налицо: «материалы есть, материалисты есть», подчеркивая тем самым единомыслие той группы людей, которая намечалась им в качестве активных участников предполагавшегося к изданию журнала. Эти письма, перехваченные царской охранкой, послужили поводом для отправки А. С. Пушкина в новую ссылку, в село Михайловское.

В этих и во многих других пушкинских высказываниях развивается та мысль, что отрицание бессмертия души, отри-

цание бога не может являться основанием для пессимистического взгляда на жизнь. Мистический пессимизм коренится не в материалистических убеждениях, а в идеалистических системах и системках. Вечна природа, дух смертен. В знании этого — залог оптимистического взгляда человека на жизнь, здесь основа действий в жизни. С точки зрения А. С. Пушкина, жизнь человека есть проявление общих законов природы. Жизнь несет с собой и собственное отрицание — смерть. Смерть следует принимать без страха, как необходимое и естественное завершение жизни. Это «естественное» отношение к смерти, к религиозному «потустороннему миру», характерное уже для молодого А. С. Пушкина (смотри, например, его «Мечтатель» или «Мое завещание друзьям»), позднее стало неотъемлемым качеством его взглядов на проблемы действительности, в которой всегда что-нибудь отмирает и что-нибудь нарождается. Именно материалистический взгляд на жизнь порождает любовь к ней, уверенность в ее вечности.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь не видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды
И чей-нибудь уж близок час,
И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечно сиять¹.

А. С. Пушкин, философски осмысливающий проблему жизни и смерти, приходит к выводу о конечном торжестве жизни над смертью.

Нездоровый пессимизм должен быть отброшен. Когда один из ближайших друзей А. С. Пушкина — П. А. Плетнев в одном из писем тридцатых годов жаловался Пушкину на свою жизнь, говорил о предчувствии смерти, поэт отвечает: «Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата: мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята: а нам то и любо!»²

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 144.

² Там же, т. X, стр. 368.

Религия, с точки зрения Пушкина, есть извращенное фантастическое отражение человеком той земной действительности, которая его окружает. А. С. Пушкин блестяще показывает, что сверхъестественная сущность порождений религиозной фантазии вполне раскрывается при сведении ее к той земной основе, из недр которой она родилась. В своем творчестве он смело использует для этого прием антропоморфизации бога (наделения его человеческими чертами) и божественного.

В «Гавриилиаде», например, бог Саваоф ведет себя как вполне земная личность: он влюблен, ему, ввиду такого щекотливого обстоятельства, безразличны его «божественные» функции, он забросил моления и сочиняет вместо них любовные псалмы.

Отношения между Саваофом и Гавриилом в описании Пушкина лишены и тени религиозной идеализации. Ничего возвышенного, «божественного» в них нет. В «Гавриилиаде» и Саваоф и Гавриил прекрасно понимают, какими низменными мотивами руководствуются они в своих действиях, и лицемерят, как вполне «земные» личности. Разоблачение библейских и евангельских мифов позволяет Пушкину сильнее подчеркнуть мысль о ненужности бога:

Всевышний, между тем,
На небесах сидел в упоеньи сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем
И без чего все шло своим порядком.¹

Библейский миф о грехопадении А. С. Пушкин использует для удара по самым основам религиозной идеологии с ее претензиями на неземной характер своих «истин». В «Гавриилиаде» Пушкин вкладывает в уста Сатаны рассказ о том, что так называемое грехопадение и все остальные «злключения» людей произошли по вине бога. Попы в своих интересах обманули верующих, приписав несчастья людей действиям лукавого.

Причина зла, господствующего в мире, — бог, иными словами, религия, церковь. Вина Сатаны лишь в том, что он, разгадав злой умысел бога в отношении Евы, предупредил его. Тем самым он указал людям путь к земному, человеческому счастью, которому бог только мешает.

В «Гавриилиаде» бог выступает в весьма неприглядной роли совратителя. Церковники и официальные круги долго не могли простить Пушкину этого злого издевательства над христианскими «святынями». Дело о «Гавриилиаде» тяну-

¹ А. С. Пушкин Полное собрание сочинений, т II, стр. 134.

лось несколько лет и было прекращено лишь по приказанию Николая I, ошибочно полагавшего, что этим жестом он сумеет приручить поэта.

Вместе с богом в «Гавриилиаде» развенчиваются и христианские пророки. Из поэмы видно, что в случае допущения историчности их существования следует признать, что в своих действиях они преследовали цели далеко не неземные. Моисей, например:

«...важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный.
Стал Моисей известный господин...»¹

Ложная мудрость религии неспособна породить ничего, кроме лакейского угодничанья мысли. В «Гавриилиаде» Пушкин тонко раскрывает цель религии — воспитание покорного отношения к существующему общественному порядку и традиционным взглядам, освященным церковью.

Православная церковь нисколько не скрывала служебного характера своей идеологии. В 1814 г. профессор философии духовной академии в Казани Борис Поликарпов в речи, обращенной к слушателям академии, позднее размноженной и распространенной Синодом по России, откровенно заявил, что «истинная вера должна состоять: 1) в дивнейшей и совершеннейшей известности о вещах, уповаемых от Бога; 2) в яснейшем созерцании и уверенности касательно вещей невидимых и 3) истинная вера должна быть совершенно Богу покорна и безответна, какой бы жертвы от нее он не потребовал»².

Против этих и подобных им претензий церкви и религии выступал А. С. Пушкин. Он срывал маску святости и с церкви и с тех общественных отношений, которые она защищала. В этом отношении его критика религии и церкви не могла не быть предпосылкой критики всего общественного устройства, всех сторон феодально-крепостнического общества, ибо «для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости»³.

Для А. С. Пушкина как атеиста не было религий «хороших» и «плохих». Он не занимался сочинением или поисками «улучшенных» форм религии.

Поэт отвергает любую форму религии, разоблачает религиозную идеологию вообще, независимо от того, выступает

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 144.

² Пушкинский Дом в г. Ленинграде, Архив, Рукописный фонд, ф. 5, № 29.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

ли она под православным, католическим, мусульманским или любым другим соусом.

Христианское евангелие А. С. Пушкин рассматривал как художественный памятник известной эпохи, отразивший устремления первых христиан. Он сомневался в историчности Христа. В одном из писем князю П. В. Вяземскому А. С. Пушкин говорит о «баснях умеренного демократа Иисуса Христа», подчеркивая таким образом половинчатый характер демократизма первоначального христианства, бесплодность его социального протеста.

Когда П. Я. Чаадаев, замечательная личность начала XIX в., выдвинул в своем «Философическом письме» реакционную идею объединения христианского мира под верховным главенством католической церкви, как якобы величайшей положительной силы мировой истории, А. С. Пушкин указывал, что концепция Чаадаева не имеет ничего общего с подлинной историей католицизма. Папство, писал поэт П. Я. Чаадаеву, давно сжилось с ролью гонителя всего передового. Он советовал смотреть правде в глаза и видеть многочисленные «низости папизма»¹.

Выступление П. Я. Чаадаева дало А. С. Пушкину повод еще раз выразить свое отрицательное отношение к католицизму, которого он никогда не скрывал.

Ранее, в «Исторических записках» 1822 г., Пушкин заявлял, что католицизм был пагубен для общественной жизни Западной Европы, где его влияние «вечно налагало суеверные преграды просвещению». Он правильно считал, что католицизм как церковное течение никогда не ограничивался чисто религиозными задачами. Религиозная фразеология всегда служила Риму лишь прикрытием его активной реакционной роли в мировой политике, в попытках сохранить и упрочить мировое влияние католической церкви. Поэтому А. С. Пушкин резко отвергал претензии католической церкви на установление своего влияния в Восточной Европе, ибо видел скрытую цель ее политики: духовное закабаление народов. Он с большой симпатией говорит об ожесточенном отпоре славянских и неславянских народов попыткам немецких феодалов покорить их при поддержке католической церкви.

В незаконченном стихотворении «Сто лет минуло как тевтон...» (1828 г.) А. С. Пушкин сочувственно отзывается о героической борьбе литовского народа против тевтонских завоевателей. Поэт говорит, что свободолюбивый литовец на другом берегу Немана видел

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 867.

Символ германцев...
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось свыше захватить
Хотел всю область Палемона
И племя чуждого закона
К своей подошве привлечь.¹

Резко отрицательное отношение А. С. Пушкина к правословию не привело его, как Чаадаева, к оправданию католицизма или, как Л. Н. Толстого, к попытке создания новой «истинной» религии. Помимо различия исторических эпох, в которые жили два величайших представителя русской культуры А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой, — оба по происхождению дворяне, — немаловажное значение имеет тот факт, что в отличие от Толстого, так и не сумевшего избавиться от идеалистических основ своего мирозерцания, Пушкин в общефилософских вопросах стоял на прочных материалистических позициях. Он хорошо понимал абсурдность всякой религии, а не только той или иной ее формы. Одной из больших заслуг Пушкина перед историей передовой русской культуры явилось упорное отстаивание им мысли об отрицательном отношении народных масс к религиозному мистицизму и фанатизму.

А. С. Пушкин в ряде документов, в том числе и в таких, о которых ему заранее было известно, что они будут доведены до сведения царя, не раз заявлял о своем враждебном отношении к религии. Характерно в этой связи его письмо В. А. Жуковскому, написанное 7 марта 1826 г. В конце письма поэт пишет: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости»². В сущности это заявление потерпевшего поражение, но не сломленного политического и идейного врага самодержавия и православия.

О своем эпизодическом соблюдении некоторых обрядов православия А. С. Пушкин и до 14 декабря 1825 г. и после отзывался как о маневре, вынужденном обстоятельствами,

Я стал умен, я лицемерю
Пошусь, молюсь...³

— пишет А. С. Пушкин и тут же добавляет, что за это его «гордый рассудок... бранит». Над обрядами как таковыми он откровенно издевается: пить так называемую «кровь хри-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т III, стр. 52.

² Там же, т. X, стр. 203—204.

³ Там же, т. II, стр. 174.

стову» при причащении, как вспоминает А. С. Пушкин о своем пребывании в ссылке в Молдавии, он согласен, если она будет имитироваться не дрянным, а хорошим вином.

Так же зло, как православие и католицизм, разоблачал Пушкин и такую «мировую» религию, как магометанство. Коран, «священную» книгу магометанства, он оценил, иронически ссылаясь на мнение «нечестивых», «собранием новой лжи и старых басен»¹.

Пушкин не видит в этой связи особых различий между кораном и библией. Он признавал известную ценность их как художественных памятников, но в то же время отрицал божественность происхождения. Он отмечает их противоречие науке. В «Подражаниях Корану» по поводу строфы:

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой²

Пушкин делает следующее примечание: «Плохая физика, но зато какая смелая поэзия!» Это, в сущности, мысль о беспочвенности религиозного идеализма, противоречащего науке.

Для А. С. Пушкина религия была неприемлема, в какой бы форме она ни выступала — в форме ли мировой религии типа христианства или магометанства, в виде ли яркого и «наивного политеизма» греков гомеровской эпохи, или в полуязыческих суевериях курдов — язидов, которых А. С. Пушкин наблюдал в 1829 г. при поездке в Арзрум.

Атеистические взгляды А. С. Пушкина, являющиеся важной стороной его мировоззрения, оказали, главным образом через художественное творчество поэта, огромное революционизирующее влияние на народные массы России, пробуждая в них критическое отношение к вере, к церкви, ненависть к ним.

А. С. Пушкин — борец против религиозной и буржуазной морали

Буржуазные исследователи творчества А. С. Пушкина, анализируя его философские взгляды и, в частности, взгляды на этику, мораль, не раз пытались представить великого поэта экзальтированным апостолом так называемой философии наслаждения. Эта точка зрения не имеет ничего об-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 174.

² Там же, т. II, стр. 207.

щего с действительными взглядами поэта на этику. А. С. Пушкин принимал за источник человеческого счастья возможность предаваться как духовным, так и чувственным радостям жизни, но он не был «бездумным эпикурейцем» в том дурном смысле слова, какое ему старались придать некоторые идеалистические историки философии. Он был, как это показано выше, далек от буржуазно-обывательского взгляда на эпикурейство.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что философия наслаждения в XVII—XVIII вв. выступает как «остроумная фразеология известных общественных слоев, пользовавшихся привилегией наслаждения»¹. Живучесть этой философии обусловлена, следовательно, живучестью того общественного слоя (в данном случае речь идет о французской аристократии середины и конца XVIII в.), выражением жизненных интересов которого она является. Как таковая она ограничена. Любые попытки выдать ее за мораль для всех обречены на провал, ибо другие общественные классы не приемлют ее. У них есть своя философия общественного поведения, своя мораль, неизмеримо более точно выражающая их интересы. Философия наслаждения, говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, становилась пустой фразой, лишь только она начинала претендовать на всеобщее значение и провозглашать себя мировоззрением общества в целом.

Такая узкая аристократически-дворянская проповедь наслаждения была органически чужда А. С. Пушкину. Его заявление о правде на наслаждение, особенно громко звучавшее в период до 1825 г., — это требование освобождения человеческой личности от гнета крепостничества.

К проблеме наслаждения жизнью, обретения того человеческого счастья, над поисками путей к которому бились лучшие умы человечества, А. С. Пушкин пытается подойти с позиций народа, с позиций масс. Однако уже в самой постановке вопроса, и это очень характерно для Пушкина-мыслителя, он усматривает противоречие. Здесь еще раз дают себя знать элементы его диалектического подхода к действительности, к обществу. «Устойчивость, — пишет он, — первое условие народного счастья. Как согласовать ее с бесконечным совершенствованием?»². Пушкин не дает ясного ответа на волпрос о том, как согласовать эти две противоречивые тенденции общественного развития. Но он хорошо видит, что без обеспечения материального благополучия на-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. IV, стр. 404.

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 536.

родных масс (устойчивость, мир, благополучие, уверенность в завтрашнем дне) невозможно обеспечить и народное счастье.

В этой связи особенно замечательно пушкинское определение нравственности, морали, под которой он подразумевает «правила, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство»¹.

Это определение, полное вольнолюбивого смысла, направлено своим острием против официально-монархической трактовки «нравственных обязанностей» подданных самодержавного государства.

В противоположность историку Карамзину, допускавшему в своей «Истории государства Российского» смешение моральных норм с правовыми и утверждавшему, что «где обязанность, там и закон», и тем самым стиравшему грань между моралью и правом, между нравственным долгом и правовыми обязанностями, А. С. Пушкин указывает на необходимость отличать одно от другого. Возражая Карамзину, он замечает, что, несмотря на то, что в обществе люди обязаны с необходимостью следовать определенным правовым и моральным нормам, нарушение этих норм влечет за собой неодинаковые последствия. Нарушение правовых норм «почитается гражданским преступлением» и влечет за собой наказание. «Закон, — говорит А. С. Пушкин, — ограждается страхом наказания». Какова цена закона, опирающегося единственно на страх наказания, Пушкину было известно очень хорошо. На страже его стоит гражданская власть, суд, полиция, аппарат власти вообще.

Мораль отличается от права в этом отношении тем, что исполнение ее требований (речь идет, разумеется, о буржуазном или феодально-крепостническом обществе) «оставляется на произвол каждого, а нарушение не почитается гражданским преступлением»². Нарушение норм морали влечет за собой общественное осуждение.

«Закон, — говорит Пушкин, — постигает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совести каждого»³.

А. С. Пушкин не считал нормы и правила нравственности раз и навсегда данными и неизменными. Он подметил относительный характер общепринятых правил поведения. «Люди светские, — писал он в одной из статей, — имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 188.

² Там же, т. VII, стр. 188.

³ Там же, стр. 403—406.

алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав»¹.

Поэт считал, что в современном ему обществе самые понятия о справедливости, добре и зле, о нравственном долге не могут не быть выражением мировоззрения тех социальных слоев, которые ими оперируют. Эту мысль, важную для понимания его взглядов на нравственность, он очень тонко иллюстрирует в одном эпизоде в «Дубровском».

Известный провинциальный мошенник, дворянин по званию и сутяга по натуре, некий Антон Пафнутьич сообщает родовитому Троекурову, что смертельно боится Дубровского. Когда Троекуров спрашивает — за что? — Антон Пафнутьич отвечает: «Как за что, батюшка Кирилла Петрович? а за тяжбу-то Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, то есть по совести и справедливости показал, что Дубровские владеют Кистеневкой безо всякого на то права, единственно по снисхождению вашему»².

Этим великолепным «в удовольствие ваше, то есть по совести и справедливости» Пушкин тонко оттеняет исходный пункт господствующей общественной морали того времени, ее приспособление к интересам эксплуататорской верхушки.

Борец за подлинное раскрепощение человеческой личности, крупнейший гуманист своего времени, А. С. Пушкин не мог не быть непримиримым противником религиозной морали, которую он справедливо характеризовал как ханжескую, лицемерную и приспособленческую. Обветшалые догмы религиозной морали были предметом непрерывных нападков со стороны Пушкина. Ее разоблачению посвящены самые острые порывы его пера.

Религиозная мораль являлась, по мнению А. С. Пушкина, источником тайных пороков и явной «праведности». Ложь официальной церковной морали тем более вызывает отвращение, что это по существу своему освящение двух нормативов поведения — одного для низов, для масс, и другого — для верхов, для господ.

Сами духовные «пастыри» того времени, такие, например, как пресловутый мракобес архимандрит Фотий, один из вдохновителей реакционной внутренней политики Александра I, вкупе с представителями высшей аристократии попирали все требования нравственности. Этим великосветских развратников и развратниц разили пушкинские эпи-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 415.

² Там же, стр. 266.

граммы, вроде знаменитого четверостишия на графиню Орлову-Чесменскую:

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию¹.

А. С. Пушкин выступал противником понимания моральных норм как общечеловеческих. Он правильно считал, что такая точка зрения не может не привести ни к чему иному, как к одностороннему представлению о действительной сущности общественной морали. К тому же, по его мнению, такой неверный взгляд, если он воспринимается писателем, приводит к неправильной, плоской обрисовке человеческих характеров. Эта проблема живо интересовала великого русского художника. «Прежние романисты, — писал Пушкин, — представляли человеческую природу в какой-то туманной напыщенности, награда добродетели и наказание порока были непременно условием всякого их вымысла; нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие»².

А. С. Пушкин догадывался, что такой поверхностный взгляд сложился не случайно, что он был следствием новых общественных отношений, установившихся в Западной Европе после французской буржуазной революции конца XVIII в., то есть буржуазных отношений. Сама буржуазия представляла и представляет дело таким образом, будто ее порядок является самым разумным в истории, более того, порядком, получившим божественную санкцию, угодным богу. А. С. Пушкин сумел схватить особенности буржуазной нравственности. Его беспощадный отзыв о ней не оставляет сомнений в его резко отрицательном отношении к морали этих «новых людей». В заметках по поводу «Записок» Дж. Теннера А. С. Пушкин с редкой точностью, в немногих словах вскрыл гнилость самих основ буржуазной нравственности. Примечательно, что он, во-первых, связывает характер буржуазной морали с самими основами буржуазного общественного и государственного строя и, во-вторых, видит присущее буржуазии ханжество и лицемерие, проявляющиеся в провозглашении «высоких» принципов на

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 376.

² Там же, т. VIII, стр. 405.

словах и всяческом ущемлении их на деле. Это видно, например, из оценки А. С. Пушкиным наиболее развитой буржуазной демократии того времени, американской демократии. О ней он писал с чувством высокого негодования:

«Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую, подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort), большинство, нагло притесняющее общество, рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства, со стороны избирателей алчность и зависть, со стороны управляющих робость и подобострашие, талант, из уважения к равенству принужденный к добровольному остракизму, богат, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорблять надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами»¹.

Трудно нарисовать более убийственную и более точную картину самих основ буржуазных отношений, буржуазной морали, чем это беспримерное по силе обвинение, выдвинутое А. С. Пушкиным против американской буржуазной демократии. Он справедливо указывает на подавление буржуазной страстью к наживе всего благородного, честного и возвышенного в человеке.

Оценивая нравственные нормы, господствовавшие в американской буржуазной демократии, он не может не прийти к выводу о крушении идеалов буржуазного просветительства. На поверку «плод новейшего (читай: буржуазного — В. М.) просвещения» оказался гнилым.

А. С. Пушкин уделил много внимания выяснению истоков и движущих мотивов философии буржуазного индивидуализма и эгоизма. Эгоизм выступает оборотной стороной буржуазного требования благоразумия, прикрывающего стремление к личному довольству. Пушкин подметил, что здесь проявляется противоречивость буржуазного стремления к равенству, принесение в жертву идолу частной собственности всех побуждений, непосредственно не служащих делу обогащения. Все это не может не привести ни к чему

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 450.

иному, как к тупому довольству пресытившегося буржуа. Такое понимание счастья ненавистно и лучшим людям буржуазного общества.

А. С. Пушкин прекрасно проиллюстрировал это в «Сценах из Фауста». Фаусту ненавистна сама мысль о жизни, посвященной поклонению золотому тельцу. Он ненавидит пустоту и пошлость окружающей жизни. Он ищет смысла жизни и пытается найти его в удовлетворении своих, как ему кажется, свободных желаний. И вот он взял от жизни «возможную дань, а был ли счастлив?» — спрашивает Пушкин и отвечает на этот вопрос отрицательно. Природа буржуазного общества такова, что она не может доставить счастья человеку. Личность терпит крушение в своих попытках добиться счастья, ибо стремление к счастью одного вступает в непримиримое противоречие со стремлениями другого. Возможность совмещения счастья личного со счастьем общественным исключена.

Когда великий русский поэт слышал рассуждения о счастье вообще, он всегда старался поставить вопрос о счастье на более земную почву. Возможно ли счастье в современном обществе? — спрашивал он, и отвечал на этот вопрос отрицательно.

«Но счастье, — писал А. С. Пушкин в одном из писем П. А. Осиповой, — это великое «может быть», как говорил Рабле о рае или вечности. В вопросе счастья я атеист; я не верю в него и лишь в обществе старых друзей становлюсь немного скептиком»¹.

Он видел, что упования буржуазных идеологов и вторивших им идеологов религиозных на то, что устранение средневековых предрассудков будет означать торжество «вечных» принципов справедливости, не оправдались. Вместо разума и справедливости в обществе восторжествовал жестокий индивидуализм, видящий в человеке лишь средство наживы. Именно этот безбрежный эгоизм и является, по мнению Пушкина, главной причиной того, что современный человек предстает

С его безнравственной душой,
Себялюбивой и пустой².

А. С. Пушкин смело обличал насквозь лицемерную и пошлую мораль «высшего общества», «светской черни», которую он так ненавидел.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 199.

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 86.

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы;
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.¹

Эта порочная мораль — не мораль А. С. Пушкина. Это мораль так называемого «высшего» общества.

Поэт с законным презрением третировал современную ему мораль верхов. После первых успехов его поэтической деятельности и как только обозначилось ее свободолоубное направление, царское правительство сослало поэта на юг (от предполагавшейся ссылки в Сибирь или в Соловки он был спасен лишь благодаря заступничеству друзей). Лицемерные великосветские «почитатели таланта» отвернулись от него. В послании к Ф. А. Глинке А. С. Пушкин замечает по этому поводу:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул эстракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгонзм.²

«Светская чернь» только что рукоплескала молодому поэту, ибо видела в нем лишь «поклонника муз». Она отвернулась от него, как только поняла, что поэт может вдохновляться не только на элегические вздохи, но и на мужественные звуки призывов к борьбе за свободу. В этом она увидела покушение на основы общественного порядка.

Жизнь, творческая практика учили А. С. Пушкина высокой требовательности к себе как общественному деятелю, высокому пониманию своего морального долга. Характерен следующий случай:

Известный французский поэт и публицист Сент-Бёв в начале своего творческого пути выступил в печати под никому не известным в то время и многих заинтриговавшим именем Делорм. Спустя некоторое время уже под собственным именем он издал томик стихов под названием *Les Consolations*. А. С. Пушкин, внимательно следивший за французской литературой, отметил своеобразную моральную эволюцию Сент-Бёва. Он порицал Сент-Бёва за то, что тот, в первых своих стихах зло смеявшийся над душеспасительными религиозными сентенциями и издевавшийся над так называемой буржуазной добропорядочностью, в последующих произведениях выступает, как иронически замечает Пушкин,

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т V, стр. 199.

² Там же, т II, стр. 124.

«исправленным советами своих приятелей, людей степенных и нравственных»¹.

С достижением литературной известности Сент-Бёв, как это нередко случалось и случается поныне с буржуазными художниками слова, щеголяющими в начале своего литературного пути в левом наряде, а затем сворачивающими в реакционное болото, сумел подогнать себя под «благопристойные» требования «истинной нравственности» и отказаться от радикальных замашек первых произведений.

«Уже он, — писал А. С. Пушкин, — не отвергает отчаянно утешений религии, но только тихо сомневается, уже он не ходит к Розе, но признается иногда в порочных вожделениях. Слог его также перебесился. Словом сказать, и вкус, и нравственность должны быть им довольны. Можно надеяться, что в третьем своем томе Делорм явится набожным, как Ламартин, и совершенно порядочным человеком».² Единственно правильный вывод отсюда таков: именно тогда, когда Сент-Бёв окончательно перейдет на позиции показной религиозной набожности и буржуазной добропорядочности, он перестанет быть художником, который защищает действительно человечески ценную мораль, и превратится в апологета религиозного лицемерия и защитника образцового буржуазного ханжества.

Великий русский художник и здесь, и в других своих высказываниях ставит чрезвычайно важный вопрос о моральной ответственности художника за внесение в народ высоких принципов и идеалов, за борьбу с религиозной и буржуазной безнравственностью.

Резко критикуя господствовавшую в русском обществе того времени феодально-религиозную мораль, А. С. Пушкин внимательно изучал мораль простых людей, мораль трудящихся. Пытаясь понять причины высоких моральных качеств простого человека, Пушкин не мог не обратить внимания на то, что ему присуще глубокое ощущение неразрывной связи с народом, во имя и в интересах которого он действует.

Выяснение взаимоотношения между действием личности и интересами народа занимало большое место в творчестве А. С. Пушкина.

Что людьми может двигать в их поступках и действиях то или иное понимание своего долга перед народом,

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 243.

² Там же.

перед обществом, А. С. Пушкин знал очень хорошо. В своем творчестве он не раз обращался к этой теме. С этой точки зрения он показывает Емельяна Пугачева и Степана Разина. А. С. Пушкин считал своим долгом прославить этих величайших народных героев, что говорит о его политической смелости и гражданском мужестве.

В «Борисе Годунове» А. С. Пушкин образом Пимена великолепно показал, как у людей, живущих интересами своего народа, идея долга перед народом может своеобразно переплетаться с идеей исполнения долга перед богом.

Пимен-летописец в известной сцене «В келье Чудова монастыря» говорит:

Еще одно последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному.

Таким образом, для Пимена долг выступает как исполнение веления свыше. Григорий Отрепьев, присутствующий в келье, принимает эти слова за единственно возможное объяснение понимания Пименом своего долга. Именно поэтому он и решает, что летописец описывает события, «добру и злу внимая равнодушно», то есть не выявляя своего собственного отношения к ним, безразлично относясь как к первому, так и ко второму. Но Отрепьев глубоко заблуждался. Впрочем, для будущего Лжедмитрия подобное заблуждение было характерно. Один из его просчетов и состоял в излишней уверенности в том, что народные массы равнодушно относятся к «добру и злу», к судьбам родной земли.

Для Пимена понятие долга, выступающего в религиозной оболочке, значительно более содержательно. Он думает о себе не только и не столько как о слуге бога, сколько как о слуге народа, родного отечества. Он глубоко переживает свою ответственность летописца за правдивое освещение исторических событий перед потомками — перед народом. И это сознание исполняемого перед родным народом долга доставляет летописцу огромное моральное удовлетворение, позволяет ему сказать:

На старости я сызнова живу.

Пимен обрек себя на подвижничество именно потому, что поставил себе целью донести до народа и «доброе» и «злое» в истории своей родины, научить потомков «доброму» на примере исторической судьбы собственного народа, к которому он чувствовал глубочайшую привязанность. «Да ведают потомки православных, — говорит Пимен, — земли родной минувшую судьбу».

По-своему глубоко понимаемый долг перед народом позволяет Пимену, не подчинившись официальной гоудуновской версии о причинах смерти царевича Дмитрия, писать тот «донос ужасный» народу, потомкам, перед которым содрогнулся и такой авантюрист, как Григорий Отрепьев.

А. С. Пушкин любил Пимена. Летописец был для него гораздо больше, чем только созданием собственного поэтического гения. «В нем собрал я, — писал Пушкин, — черты, пленившие меня в наших старых летописях», то есть черты народного характера такой бурной эпохи русской истории, как конец XVI — начало XVII века.

Поэт внимательно приглядывался к морали различных слоев общества и тщательно изучал ее. Он видел, что новую мораль с высокими идеалами справедливости выдвинули не дворянство или буржуазия, а народные массы. Именно в представителях народных низов находил он и с особой любовью показывал высокую человеческую нравственность. Достаточно вспомнить, какой суровой и мужественной красотой веет от Пугачева в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева».

Мораль, наиболее передовую для своего времени, А. С. Пушкин видел и в передовых деятелях русской культуры. Их мораль, их представление об общественном долге он противопоставлял морали господствующей верхушки.

А. С. Пушкин особо высоко оценивал с этой точки зрения деятельность великого М. В. Ломоносова, который «умел за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей». У М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева призывал А. С. Пушкин учиться той «независимости и самоуважению», которые «одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

А. С. Пушкин не свободен от идеалистического толкования морали. Здесь проявляется идеализм, который был присущ многим домарксовским мыслителям. Мы можем найти у него утверждения о том, что решающим средством улучшения нравов является просвещение, наука. В «Стансах» (1826), например, А. С. Пушкин говорит, что одной из заслуг Петра I перед Россией является то, что он «нравы укротил наукой». Преувеличение значения просвещения для изменения нравственности мы можем найти и в других произведениях поэта. В этом сказывался просветительский подход Пушкина к морали, к критике религиозной и буржуазной морали. Тем не менее, в целом воззрения А. С. Пушкина на мораль представляют важную веху в истории русской об-

щественной мысли. Его критика отживших форм морали, его выяснение значения морали в жизни общества, его требование действенной морали, способной служить передовым силам общества, его обращение к народу, в котором он видел источник подлинной нравственности, были большим завоеванием русской передовой общественной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс и Ф. Энгельс, «Немецкая идеология», Соч., т. IV.
К. Маркс и Ф. Энгельс, «Об искусстве», М.—Л., 1938 г.
В. И. Ленин, «Памяти Герцена», Сочинения, т. 18.
В. И. Ленин, «Роль сословий и классов в освободительном движении», Соч., т. 19.
В. И. Ленин, «О национальной гордости великороссов», Соч., т. 21.
В. И. Ленин, «О значении воинствующего материализма», Соч., т. 33.
В. И. Ленин, О литературе, ОГИЗ, 1938 г.
А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XV, Издание АН СССР, 1949 г.
Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, Госполитиздат, 1951 г., тт. I—III.
А. Н. Пыпин, «История русской литературы», тт. I—IV, СПб, 1913 г.
Д. Д. Благой, «Творческий путь А. С. Пушкина», Издание АН СССР, 1950 г.
В. Вересаев, «Пушкин в жизни», тт. 1—11, Изд. «Советский писатель», Москва, 1936 г.
Б. П. Модзалевский, «Пушкин под тайным надзором», Петроград, 1922 г.
Пушкин, Временник пушкинской комиссии, т. 1—2, Изд. АН СССР, 1936 г.
Пушкин, Материалы юбилейных торжеств, Изд. АН СССР, 1936 г.
-

Автор — Виктор Арсеньевич Малинин

Ответственный за выпуск —
и. о. заведующего отделом научно-атеистической пропаганды
Правления Общества РСФСР **А. П. Курантов**

А 10174.

Подписано к печати 29/X 1957 г.

Заказ 1702

Объем 2,75 п. л.

Тираж 10.000

Типография Общества по распространению политических
и научных знаний РСФСР

